

Россия начала XX века, обуреваемая революционными страстями и раздираемая идеологическими и социальными противоречиями, подарила миру Серебряный век — период, когда поэзия была полна эмоций, символов и пророчеств. Одной из главных звезд на небосводе Серебряного века был Игорь Северянин, который не без стеснения провозгласил себя гением и королем поэтов.

Настоящее имя и фамилия поэта, переводчика, мемуариста — Игорь Васильевич Лотарев. Он родился в 1887 году. До девяти лет Северянин жил и учился в Петербурге, однако после ссоры родителей ему пришлось переехать с вышедшим в отставку отцом в принадлежавшую дяде, М. П. Лотарёву, усадьбу Сойвола Череповецкого уезда Новгородской губернии, на берегу реки Суды, что часто упоминается в стихах поэта. В имении часто проводились семейные собрания, и одинокий маленький Игорь внезапно обзавелся немалым количеством дядей, тетей, кузенов и кузин. В тяжёлые для мальчика времена деревня и река Суды стали отдушинами для его существования.

В Череповце Северянин закончил четыре класса реального училища (1898-1903); с благодарностью вспоминал «доброе, веселого, остроумного» директора кн. Б. А. Тенишева, на квартире которого первоначально жил. Учиться Северянин не любил, даже ненавидел, поскольку часто был наказан розгами за всевозможные шалости и главное — за неуспеваемость. Может потому и не успевал, что шалил? Весной 1903 вместе с занявшимся коммерцией отцом Игорь Северянин отправился на Дальний Восток. В стихотворном романе «Роса оранжевого часа» описал картины детства и отрочества, путешествие через всю Россию и жизнь в порту Дальнем. С конца декабря 1903 жил в Петербурге и Гатчине. Там его мать снимала дачу. Стихотворение «Гибель „Рюрика“», опубликованное в солдатском журнале «Досуг и дело», Северянин считал своим литературным дебютом.

В 1906-1908 у Игоря Северянина роман со швейцаркой Евгенией Гуцан, от которого родилась дочь Тамара. Поэма «Злата (Из дневника одного поэта)» появилась в связи с этой любовью. «Неповторимая веками Злата» красной нитью будет проходить через многие стихи Северянина разных лет.

И уже с 1908 года поэт начал подписываться псевдонимом Игорь Северянин, надолго сохранив его именно в таком написании, через дефис.

Известным на всю Россию Северянин стал в 1910 году, когда Л.Н. Толстой, выслушав его стихотворение «Хабанера», уничтожающе отозвался о строках: «Вонзите штопор в упругость пробки / И взоры женщин не будут робки». Этот отзыв попал в газеты; как писал сам поэт, «с тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады».

Стихи Северянина были полны «мещанского рая» с утонченными машинами, прекрасными замками и дачами, со страстными любовными сценами на берегу моря, как в красивой сказке, с непревзойденной музыкой, различными запахами духов и сигар, конечно же, с вином и фруктами. Все это совершенно не вписывалось в официальную художественную моду, где царил другой стиль, особенно, что касается декадентской моды, то она терпеть не могла мещанской культуры. Так или иначе, читатель получал, что хотел.

В этот период уже сформировались основные черты поэтики, которые отличали Северянина от других. Так, В. Я. Брюсов подчеркивает, что к ним прежде всего относилось стремление «обновить поэтический язык» за счет «бульварного арго», «отважных неологизмов» и «смелых метафор», хотя большей частью «это выходит у него не совсем удачно, а подчас и смешно»; год спустя он же считал Северянина «настоящим поэтом, поэзия которого приобретает все более и более законченные и строгие очертания», хотя у него «немало неудачных новшеств, дающих благодарные темы для газетных пародий».

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СНОБА Игорь Северянин: «Я избран королем поэтов...»

Одним из главных событий стал для Северянина выход сборника «Громокипящий кубок». В нем объединены стихи 1909-1912 годов. У сборника было 10 изданий, а суммарный тираж превысил 30 000 экземпляров, в то время как для поэтического сборника очень хорошим считался тираж в 1—2 тыс. В книге можно заметить волну «лирической иронии», которая была ближе к самоиронии, однако провести границу между иронией и искренним пафосом крайне нелегко. В созданном поэтом оригинальном типе трагической клоунады лицо и маски, по существу, неразличимы («За струнной изгородью лиры / Рыдает царственный паяц!»). Северянин в равной мере считает себя певцом «площади» и «хутора» — просторечно-площадная и изысканно-манерная языковые стихии сплавлены у него единой напевной интонацией.

В ноябре 1913 года Игорь Северянин и Владимир Маяковский дважды выступают вместе: 16 ноября на вечеринке вологодского землячества в зале Высших Петербургских женских курсов и 29 ноября на вечере в зале «Соляного городка».

С 1914 книги Северянина выходят регулярно. Это время шумного успеха, «двусмысленной славы», по выражению поэта.

В январе 1918 вместе с тяжелобольной матерью, гражданской женой и дочерью Валерией Северянин перебирается из Петрограда в пос. Тойла в Эстляндии, где бывал и ранее, начиная с 1912. Кратковременный приезд в Москву в феврале — марте 1918 ознаменовался избранием его «королем поэтов» и поэзо-вечером в Политехническом музее.

Избрание «Короля поэтов»

Северянин крайне серьезно отнесся к избранию его «королем», о чем можно догадаться из известного стихотворения «Рескрипт короля», в котором он подчеркивает важность данного титула для поэта: «Я избран королём поэтов / На зависть нудной мошкаре», «Я избран королём поэтов — / Да будет подданным светло!». Другие же приняли это мероприятие скорее как за шутовское увенчание претендентов на звание короля мантией и венком.

Интересно, что титул «Короля поэтов» подходил больше всего именно Игорю Северянину. В начале своего славного пути он уже был «Принцем поэтов». Еще в 1913 году А. Чеботаревская (жена Ф. Сологуба) подарила ему книгу Оскара Уайльда «Афоризмы / пер. кн. Д.Л. Вяземского» с дарственной надписью: «Принцу поэтов — Игорю Северянину книгу его генерального брата подарила Ан. Чеботаревская. Одесса, 17/III-1913». Книга хранилась в личной библиотеке Игоря Северянина в Тойле.

Само же «коронование» проходило в большой аудитории Политехнического музея, где часто устраивались вечера поэзии. Здесь всегда царил атмосфера заинтересованности и неравнодушия. Политехнический музей пропагандировал новую поэзию, и приобрел к ней самые широкие круги. Здесь же проходили и вечера отдельных писателей и поэтов, например, В. В. Маяковского, А. А. Блока, С. А. Есенина; проводились выступления группы объединенных единими творческими принципами поэтов — футуристов, имажинистов и других. Но особенное внимание привлекали коллективные вечера, на которых выступали поэты различных школ и направлений.

Таким образом, «Избрание короля поэтов» открыло собой длинную серию поэтических вечеров в Большой аудитории Политехнического музея, где поэты вступали в прямой диалог с публикой; приговоры — поддержка, одобрение или неприятие — выносились тут же. Именно здесь читатель и автор были максимально близки друг к другу.

С марта 1918 Игорь Северянин живет в Эстонии. В этом же году появляются и его первые переводы стихов на эстонский язык, а сам поэт стал сотрудничать с тартускими, рижскими, варшавскими, берлинскими, русскими газетами, где и вышли его поэтические

сборники. Так или иначе, поэт в своих стихах подчеркивал, что не смотря на то, что он принял эстонское гражданство, он «не эмигрант и не беженец».

Вскоре в творчестве Северянина происходят перемены: оно все более тяготеет к классической ясности, к выражению глубоких и простых человеческих чувств. Лучшие его книги эмигрантского периода — «Классические розы. Стихи 1922-1930», на страницах которых поэт осмысливает судьбу России через такие понятия, как родина, творчество, вера, любовь, природа, культура.

Женщины в жизни Игоря Северянина

Женщины, любовь, занимали отдельное место в жизни поэта. В его «донжуанский список» входили романы с несколькими сестрами Евгения Гуцан (Злата) и Елизавета Гуцан (Мисс Лиль), Елена Новикова (Мадлена) и кузина Тиана (Татьяна Шенфельд), Дина Г. и Зинаида Г. (Раиса), Анна Воробьева (Королева) и Валерия Воробьева (Violet), Ирина Борман и Антонина Борман, Вера Коренди (Запольская) и Валерия Запольская.

У Игоря Северянина была жена Фелисса, которая с терпением и пониманием относилась к романам поэта. Она до последнего держала в себе чувства и с достоинством выносила его связи с Ириной Борман и Евдокией Штранделл. С последней ещё и потому, что она была женой хозяина продуктовой лавки в Тойле, и как раз от неё зависел кредит в лавке. Так, однажды он пишет письмо к графине Софии Карузо, в котором делится о своей роковой страсти. В письме мы узнаем характеристику Е. Штранделл:

«А я от страсти гибну. Нет, серьёзно. Представляете ли себе меня способным пламенеть к одной пять лет? К одной и одной. Жена сначала этому не очень сочувствовала, но потом махнула рукой, ушла в себя, с пренебрежительной иронией наблюдает теперь свысока и издала. Женщина, правда, очаровательная — петербурженка, красивая, 27 лет. И муж есть. Личность довольно безличная. Она приходит к нам почти ежедневно. Жена ценит в ней её большой и редкий такт. Она обворожительно-любезна и мила с Фел. Мих. Но меня эта „Цирцея“ положительно губит: замкнутая, холодная, чувственная, осторожная, лживая и изменчивая. Но глаза, конечно, Мадонны... Ревнует, терзает, — насыщая, не даёт пресытиться. Даже насытиться с ней невозможно. С ней и ею. Ламия какая-то. Вот я как с вами откровенно. Захотелось почему-то Вам всё это сказать. Последнее время даже не могу писать ничего. Чем дольше длится эта необыкновенная связь, тем больше теряю голову. Сам на себя дивлюсь. И где же всё это возникло? В глуши одобрения! Сколько, казалось бы, женщин в пути всюду, так нет же — все остаются чуждыми, а эта Нерейда влечёт все более и более. Даже турне рву через

два-три месяца, болезненно влекомый ею. И часто — в разгаре успехов, когда можно было бы работать и зарабатывать».

У Северянина немало писем, в которых он описывал свое физическое и моральное состояние. На основании описанных Игорем Северяниным симптомов медицинских наук Натан Эльштейн сделал заключение о том, что Игорь Северянин страдал туберкулезом в тяжёлой форме. Это связано с тем, что в определенной стадии болезни туберкулезом становятся чрезвычайно влюбчивыми.

На занате жизни

К концу 1930-х годов Игорь Северянин почти не пишет стихи, поскольку, как сказал сам автор: «Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя».

С начала 1940-х годов поэт начинает постоянно болеть. И 20 декабря 1941 году в Таллине поэт умирает от сердечного приступа.

Вольфганг Казак, славист и литературный критик, однажды оценил творчество поэта следующим образом:

«Доходчивая музыкальность его стихотворений, часто при довольно необычной метрике, соседствует у Северянина с любовью к неологизмам. Смелое словотворчество Северянина создаёт его стиль. В его неологизмах есть многое от собственной иронической отчуждённости, скрывающей подлинную эмоцию автора за утрированной словесной игрой».

Жизнь поэта была такой же яркой и разной, как и стиль мастера. Ритм и настроение произведений Игоря Северянина настолько отличаются от одного стихотворения к другому, что порой кажется, будто все они написаны разными людьми, или же целой группой поэтов. Так или иначе, каждый, кто возьмет в руки сборник стихов человека, который немало времени провел в Вологодской области, найдет в его произведениях нечто, что станет и его отражением чувств и мыслей.

Анна ШТОЛЬЦ.

«Октябрь»
Люблю октябрь, угрюмый месяц,
Люблю обмершие леса,
Когда хромает ветхий месяц,
Как половина колеса.
Люблю мгновенность: лодна... хобот-
Серп... нолумаска... леса шпниц...
Но кто надтреснул лунный обод?
Кто вор лучистых тонких спиц?
Морозом выпитые луны
Хрустят и хрупни, нан хрусталь;
Дороги грязно-неунлюжи,
И воздух сновывает сталь.
Нан бред земли больной, туманы
Сердито ползают в полях,
И отстраданные обманы
Дымят при блеске лунных блях.
И сколько смерти безнадежья
В безлистом шелесте страниц!
Душе не знать любви безбрежья,
Не разрушать душе границ!
Есть что-то хитрое в усмешке
Седой улыбки октября,
В его сухой, ехидной спешке,
Когда он бродит, тьму храбря.
Октябрь и Смерть — в законе пара,
Слиянно-тесная чета...
В полях — туман, нан саван пара,
В душе — обмершая мечта.
Скелетом черным перелесец
Пускай пугает: страх сонни.
Люблю октябрь, предснежный месяц,
И Смерть, развратную жену!..

Октябрь 1911